УДК 342

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: КОНВЕРТАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И НАДЕЖД В ОПЫТ

Гаджиев Г.А., Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, *ksa@ksrf.ru*

Статья посвящена оценке преимуществ действующей Конституции Российской Федерации. Показан исторический путь конституционного реформирования в России на примере судебной реформы, проводившейся в середине XIX в., ставшей, по мнению автора, началом появления конституционного института разделения властей. Говорится о роли Конституционного Суда РФ в развитии судебных доктрин, включая доктрину самостоятельности судебной власти. Указывается на необходимость разработки теории судебного конституционного контроля. Выдвигается идея о том, что Конституционный Суд РФ является высшим кассационным судом по вопросам конституционного права.

Ключевые слова: правовая система, конституция, конституционные реформы, Конституционный Суд РФ, конституционная кассация.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-53-59

UDC 342

THE CONSTITUTION OF RUSSIA: TWENTY-FIVE YEARS LATER: THE CONVERSION EXPECTATIONS OF THE EXPERIENCE

Gadzhiev G.A., Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, *ksa@ksrf.ru*

The article is devoted to the evaluation of the advantages of the current Constitution of the Russian Federation. The article shows the historical way of constitutional reform in Russia on the example of judicial reform carried out in the middle of the XIX century, which, in the author's opinion, became the beginning of the emergence of the constitutional Institute of separation of powers. The role of the constitutional Court of the Russian Federation in the development of judicial doctrines, including the doctrine of independence of the judiciary. The necessity of development of the theory of judicial constitutional control is pointed out. The idea is put forward that the constitutional Court of the Russian Federation is the Supreme court of cassation on constitutional law.

Key words: legal system, Constitution, constitutional reforms, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional cassation.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-53-59

Я отношусь к тому поколению юристов, которые получили неплохое юридическое образование в советское время, а потом вынуждены были расстаться с социалистическими ценностями и идеями для того, чтобы осваивать новые конститутивные принципы. Конечно, это полезный опыт сращения правовой системы социалистического государства и совершенно иной правовой системы, основанной на реальном приоритете Конституции и совершенно иной экономической системе. Отказ от одних жизненных принципов и освоение иных ценностей для общества никогда не проходит бесследно. Можно наблюдать появление цинизма.

Видимо, не случайно в 20-е годы XX века после революции появилась повесть Анатолия Мариенгофа «Циники», а после событий начала 90-х годов опубликована книга Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке», описывающая такие же настроения в обществе, что и у

Мариенгофа. Наш опыт ценен тем, что он создал энергию сопротивления утопическим или насильственным попыткам избрать сугубо революционные темпы общественного и правового развития. Нас подталкивали к реституции собственности, к люстрации кадров советских, партийных, правоохранительных органов, но у нас хватило разума не искать новых «врагов народа». Как говорит восточная пословица, кто ищет врага, тот его обязательно находит.

Мы не перешли на рельсы иной, прецедентной правовой системы, будучи страной с континентальной системой права, хотя в нашей недавней истории были и факты издания Указа Президента Б.Н. Ельцина о трасте (а это институт англо-американского права), и речь Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова, которая так и называлась – «Речь о прецеденте» [1].

Вместе с тем, мы уже знаем, что очевидно нерационально и неразумно не доверять своему народу, заслонившись тезисом о его якобы исторически сложившейся традиционности и чуть ли не склонности к консерватизму. И когда в недавнем прошлом Администрация Президента проводила семинары с главами регионов о пользе консервативной идеологии, ничего, кроме скепсиса, у меня этот, надеюсь, краткосрочный тренд не вызывал, ибо это вечноезелёный миф, не несущий ничего созидательного. Нельзя не доверять своему народу, прикрываясь такого рода мифами. Народ доверяет своей власти, когда власть верит в достоинства своего народа!

Мы, юристы, жившие и при сталинской, и брежневской конституциях, можем сравнивать и нам лучше дано понять те преимущества, которые есть в действующей Конституции Российской Федерации.

По моему глубокому убеждению, конституционное право представляет собой сплав, своего рода амальгаму универсального и национального опыта организации социальной жизни. Это юридический опыт и писанный разум всего человечества, это и «плод ошибок трудных» нашего многонационального народа.

Краткие нормы в тексте нашей Конституции о разделении власти, уважении властью достоинства человека, о правовом государстве, об экономической свободе, о социальном государстве – это, конечно, метафизическая система либеральных принципов, это, по сути, культурные символы, отсылающие к выработанным человечеством концепциям, но это и опыт нашей российской жизни.

Приведу лишь один пример, и это опыт того, как конституционные реформы привели к росту экономики и расцвету культуры в XIX веке.

Как известно, реформы, предлагаемые графом Сперанским в начале XIX века, не состоялись, несмотря на то, что Александр I лелеял мечту облечь монархическую власть в конституционные формы.

То, почему император их не поддержал, он объяснил осенью 1820 года, в беседе с французским послом, на международном конгрессе в Троппау: «Я очень люблю конституционные учреждения, – говорил он, – и думаю, что всякий порядочный человек должен любить их, но можно ли их вводить безразлично у всех народов? Не все народы готовы в равной степени к их принятию» [2, с. 128].

По сути, конституционные реформы осуществил Царь-Освободитель Александр II в середине XIX века, когда Россия уже отставала от Европы лет на пятьдесят. Члены Комиссии по выработке новых Уставов судебных в пояснительной записке к ним убеждали, что надо использовать западный опыт, но при этом не игнорировать «особые условия», отличающие экономический быт России от условий других, западных обществ.

В Правительствующем Сенате, высшем кассационном суде Империи, начали работать умные и высокообразованные чиновники, которые готовили судебную реформу: Зарудный, Буцковский, Ровенский, Арцимович, Милютин, Победоносцев. Это они добились от Царя важного судьбоносного решения: судебные решения Кассационных Департаментов Правительствующего Сената приобрели качество самостоятельных и, главное, окончательных решений: их перестали направлять на утверждение Императору, который был единственным нормотворцем в огромной стране.

Именно с этого момента в русской истории и следует вести отсчет появления конституционного института разделения властей. Обратим внимание на то, что эта, по сути, конституционная норма, в отсутствие конституционного акта, стала частью неписаной русской конституции, причем в результате самоограничения, так называемого, «единоличного начала». А затем последовало русское экономическое чудо и серебряный век русской культуры.

Подобно тому, как в архитектуре есть проекты соборов и архитектурных ансамблей, но и так называемых «малых архитектурных форм», так и в нормотворчестве есть разные формы нормотворчества: 1) парламентское законотворчество, 2) референдарное, 3) нормотворчество исполнительной власти, 4) судебное нормотворчество. То, что сделал Правительствующий Сенат за пятьдесят лет, я называю революцией в правопонимании, обеспечившей юридическую капитализацию России.

Впервые в истории России официально провозгласив самостоятельность судебной власти (в статье 10 Конституции), мы значительно изменили облик всей нашей правовой системы, ее эстетику, ибо появились такие формы судебного нормотворчества, как а) правовые позиции высших судов и б) судебные доктрины.

Можно и нужно гордиться этими достижениями российских юристов.

Но надо быть честными и самокритичными и помнить, что одной из наших «традиций», подмеченных замечательным советским и российским философом права Владимиром Вениаминовичем Библихиным, который, имея в виду «наш Восток Европы», писал, что одна из наших традиций состоит в том, что мы можем переварить, но при этом и перелицевать любой западный юридический опыт. (Вспомним ироничные слова Василия Ключевского о мудрых российских реформаторах, которые были так увлечены, наблюдая за тем, как реформы изменяют русскую старину, что не замечали, как русская старина изменяет реформы.)

Романтические надежды на то, что конституционализм – это архимедов рычаг, конвертировались в опыт. Мы теперь знаем, что может изменить Конституция, а что она изменить не может, во всяком случае, в какой-то короткой исторической перспективе.

Конституция может постепенно менять концепции правопонимания, и Конституционный Суд Российской Федерации проделал впечатляющую работу по формированию конституционного правопонимания, и эта концепция, с моей точки зрения, использует элементы того понимания права, которое называют «правовой реализм».

Но вот что невозможно изменить одномоментно, так это структуру юридического мышления. Когнитивные установки юристов, конечно же, более устойчивы. Как писал В.Д. Зорькин в статье «Экономика и право: новый контекст» [3], чрезвычайно рискованно внести в российскую нормотворческую практику, без длительной и серьезной подготовки, элементы англо-саксонского прецедентного права, поскольку различия между этой системой и континентальной системой права являются не формальными, а сущностными, отражаются в специфике мышления юристов – от законодателей до правоохранителей, от адвокатов до прокуроров. Эти различия, заметил В.Д. Зорькин, требуют принципиально иной организации всего юридического процесса, понимаемого в широком смысле – от разработки законов до их применения и организации сложных систем использования прецедентных доказательственных баз.

И, тем не менее, Конституция, предусмотрев в судебной системе Конституционный Суд, а это – высший кассационный суд, но только по вопросам конституционного права, которое проникает во все сферы законодательства, объективно приводит к необходимости введения в правоприменение новых источников права в виде правовых позиций высших судов и их судебных доктрин.

Право в XX и XXI веках начинает развиваться в коммуникациях, как между судами и законодателем, так и между судами, причем – не только национальными, но и наднациональным, каковыми является ЕСПЧ. Конституционный Суд постоянно находится в таких коммуникациях.

Остается только привести аргументы в пользу того, что это не результат действия законов Паркинсона, когда каждая новая бюрократическая структура стремится к расширению своего функционала, а объективный процесс, результат закрепления в основной части Конституции системы и основных прав человека и публичных интересов, таких как основы конституционного строя, нравственность, здоровье человека, права и законные интересы других лиц, обороны и безопасности государства.

Самой основной, причем неписаной нормой, регламентирующей применение всего корпуса норм конституционного права, оказывается норма, обосновывающая формальное равенство всех основных прав и интересов. Между ними нет заранее установленной иерархии. Формальное равенство – это элемент метафизической юридической конструкции.

В Конституции РФ нет ответа на вопрос, например, о том, что важнее: а) право журналиста распространять информацию о каких-то известных людях или б) их право на неприкосновенность частной жизни. И таких бинарных оппозиций поразительно много.

Опыт показывает, что две трети споров в КС РФ являются сложными делами, когда необходимо делать аксиологический выбор – какому же праву, после взвешивания, необходимо отдать предпочтение, и может ли законодатель, уважая какой-то публичный интерес, ради этого ограничить права человека?

Оказывается, все зависит от юридических оттенков, особенностей конкретной жизненной ситуации, так как Конституционный Суд имеет дело с широким спектром возможных ситуаций и решений.

Глубокий смысл особых конститутивных норм, из которых состоит глава 1 и глава 2 Конституции, а это и есть подлинное конституционное право, в том, что правосудие в КС значительно отличается от правоприменения обычных судов, в которых обычно применяется т.н. юридический силлогизм.

Конституционный Суд, благодаря Конституции, разрешая сложные дела, лишен возможности применять методику юридического силлогизма, в этом случае, когда решение должно быть исключительно ситуативным, подлежит применению конституционный принцип пропорциональности.

Мне кажется, его применение приводит к появлению юридического парадокса. Как известно, парадоксом мы обычно называем ситуацию, когда высказывается утверждение, вывод, которые могут существовать в реальности, но не имеют логического объяснения. Парадокс – это всегда неожиданность, непривычность, за которой нередко следует новое решение или даже открытие. Не случайно у А.С. Пушкина есть слова «... и гений, парадоксов друг». Юридический парадокс состоит в том, что есть два разных онтолого-правовых статуса: реальность метафизического текста конституции, в которой намеренно отсутствуют правила об иерархии норм о правах человека и иная, правовая реальность, возникающая при проявлении конфликта между носителями двух равновеликих прав, которые существуют в разных «регистрах», распознаваемых с помощью онтологии права. Переход из одной реальности – реальности текста права в правовую реальность завершается тем, что появляется ситуационная иерархия, необходимая для достижения одной из важных аксиологических категорий конституционного права – и это ценность гражданского мира и согласия, о которых упоминается в Преамбуле Конституции России.

Юридический парадокс помогает обнаружить, что правовая система вовсе не является закрытой, «герметичной», самодостаточной, особен-

но в случае пробельности в системе источников права и в других доказательственных базах.

Позитивистская концепция Г. Кельзена основывается, по сути, на идее беспробельности правовой системы, ее автономности от других деонтологических дисциплин. Правоведение, как считал Кельзен, является исключительно оценочной, а не объясняющей наукой, в основе которой – постулат об источниках права, как некой иерархии норм, возглавляемой основной нормой.

Если же начинают действовать (применяться) какие-то иные социальные правила, то они составляют предметную сферу не «чистой науки права», а других наук, к примеру, социологии.

В XX веке произошла своего рода «социологизация» правовой системы. Антипод Г. Кельзена в науке О. Эрлих утверждал, что право должно изучать не только нормы позитивного права, но и более широкий круг правил, по которым живут все люди. Эрлих ввел в научный оборот понятие «живое право» (которое использовал В.В. Путин в дни празднования 25-летнего юбилея Конституции РФ), сущность которого состоит в противопоставлении традиционной юриспруденции, плохо справляющейся со своей задачей, поскольку она только описывает, что устанавливает закон, а не то, что фактически происходит в правовой реальности. Между тем, сущностным элементом правовой действительности является объективно сложившийся порядок, который состоит из конститутивных социальных норм. А поэтому генезис права надо связывать не только с деятельностью государства, но и с беспрестанно осуществляемой деятельностью людей в рамках социальных отношений, которые подчиняют себе индивидов не только с помощью права. Помимо официального права, т.е. реальности правовой системы, есть еще правовая реальность, как совокупность неюридических автономных порядков. Юридические нормы отличаются своей относительной статичностью, спонтанно складывающиеся в обществе новые порядки подвижны, динамичны.

Отголосок идей О. Эрлиха можно, как мне кажется, обнаружить у замечательного советского и российского теоретика права Г.В. Мальцев, который писал о необходимости «смены вех в юридической методологии, о поиске новой рациональности, которую он связывал с синергетической парадигмой, восполняющей интегративные функции в отношении естественнонаучного и социогуманитарного знания и о надежде (но не более того), что синергетика поможет праву избавиться от старых и злейших его недостатков – субъективизма и волюнтаризма» [4, с. 106].

Одним из недостатков догматической юриспруденции является сакральное восприятие изобретенных фикций. Одна из них – это догматическое утверждение, что все правовые потоки берут истоки исключительно из единой воли государства. Через предпринятый анализ источников пози-

тивного права, к которым О. Эрлих относил закон, обычаи, судебную практику и доктрину, он приходит к теории «права общества». Отталкиваясь от нее, Г.Д. Гурвич, ученик Л.И. Петражицкого, проложил путь к своей доктрине «социального права» [5, с. 655].

Эта парадигма правопонимания сейчас представлена концепцией сложной социально-культурной контекстуальности юридических норм [6, с. 143].

Оказывается очевидным, что правовая система вовсе не является закрытой, абсолютно автономной от других социальных наук, она способна на командную игру и является когнитивно открытой. Это значит, что для принятия судебного решения, т.е. оценочного умозаключения, не всегда есть источники, содержащие шкалу оценок, которую мы называем источниками права. Юриспруденция, ее изначальный концепт, фикционны, и одна из самых главных фикций состоит в том, что для принятия оценочного решения всегда якобы есть официально установленные критерии оценки.

Но те самые *hard cases*, когда приходится выбирать между равновеликими правами, обнажают сокровище в догматической юриспруденции: и это пробельность этих официально установленных критериев для оценки, т.е. источников права.

И тогда высшие суды вводят в свою аргументацию ссылки на нормы этики, на правовую справедливость, на экономическую эффективность, т.е. на метаюридические нормы, в совокупности образующие социальный порядок.

В этом проявляются отголоски естественно-правового понимания права, одним из постулатов которого является тезис «право есть только часть порядка части порядка».

Появляется новая для права рациональность, своего рода когнитивная разомкнутость, негерметичность, открытость, то есть – способность правовой системы учиться у окружающей социальной среды.

Итак, в метафизической реальности текста, отсутствуют иерархические отношения между т.н. равноценными, но при этом антонимичными, правами, а по сути конституционными принципами, образующими бинарные оппозиции. У таких прав-принципов, как право на свободу экономической деятельности – и право на вспомоществование одинаковый номинальный вес, государство не обязано рассматривать как самоценные ни те, ни другие. Оно может, учитывая интересы нуждающихся во вспомоществовании, ограничивать, с помощью налогов, права предпринимателей, но обязано придерживаться при этом идеи пропорциональности ограничений, которые всегда ситуационны. В отличие от реальности конституционного текста, в правовой повседневной реальности разрешения споров конституционные суды создают правовые позиции, отдавая предпочтение то одному, то, в другой ситуации, другому праву из бинарной оппо-

зиции. При этом они должны изыскать такие способы ограничения одного права, чтобы они были минимально ограничительными, исходя из заботы и о защите другого, противоположного права!

Это конституционно-правовая оптимизация, являющаяся юридическим эквивалентом принципа оптимальности Вильфредо Паретто (решение конфликта оптимально, только если оно улучшает положение одной стороны, не нанося существенного ущерба другой).

В этом глубокий смысл слов «мир и согласие» из преамбулы Конституции. Оптимизация, осуществляемая Конституционным Судом, состоит в оценке разумности, степени вмешательства публичной власти в частные интересы, в оценке и поиске средств, наименее обременительных.

При этом, вырабатывая способ оптимизации конкурирующих интересов, КС РФ ситуационно осуществляет «возвеличивание» одного из них в какой-то ситуации, в какое-то время.

Этот механизм дает возможность Конституции быть своего рода методологией приспособления юридического текста к постоянно изменяющимся условиям общественной жизни. Она выдержала испытание за прошедшие 25 лет!

Конституционный Суд РФ реально стал самостоятельным нормотворцем.

Судебная методология ревизии проверяемых норм закона, основанная на поиске баланса, анализ пропорциональности ограничительных мер камуфлирует то, что Конституционный Суд делает самостоятельный, порой политический, выбор, а издавая «ситуационные» нормы, он выступает в качестве нормотворца.

Судебное нормотворчество получило свое название – правовые позиции высших судов, а совокупность этих правовых позиций – судебные доктрины.

Так, в коммуникации с другими высшими судами, парламентом, Европейским Судом по правам человека Конституционный Суд РФ сформировал судебные доктрины правового государства, правовой определенности, доктрину о допустимых рамках налоговой оптимизации и о необоснованной налоговой выгоде, доктрину равноудаленности публичной власти от бизнеса и ряд других судебных доктрин, которые изменили наше законодательство, обеспечили юридическую капитализацию, столь необходимую для экономического роста.

Но одной из самых важных судебных доктрин, развиваемых Конституционным Судом России, является доктрина самостоятельности судебной власти.

Все вышеизложенные аргументы я посчитал необходимым использовать для доказательства того, что орган конституционного судебного контроля в России не является преждевременным, его «рождение» было обусловлено историческими, социальными и когнитивными предпосылками. Что

же касается процессуальной формы осуществления судебного конституционного контроля, а именно конституционной кассации, то это продолжение научного спора о сущности конституционной юстиции: Конституционный Суд – это суд или же в большей степени не суд?

В рамках этой дискуссии я считаю необходимым продолжить разработку такого научного направления, находящегося на стыке конституционного права, судоустройственной теории и философии права, как теория судебного конституционного контроля.

Эпицентром этой теории является судебная доктрина самостоятельности судебной власти, это понимание того, что конституционный принцип самостоятельности судебной власти, как часть нормативного содержания сложносоставного принципа разделения власти, предполагает, что у судебной власти имеются предусмотренные Конституцией собственные механизмы воздействия на правовую действительность. Будучи неотъемлемой частью российской судебной системы, Конституционный Суд РФ составляет тот ее компонент, который в наибольшей степени должен оказывать воздействие в виде конституционализации и 1) на систему позитивного права, и 2) на судебную и иную правоприменительную практику. При этом, имея в виду конституционализацию судебной практики, оптимальной представляется процессуальная форма конституционной кассации, поскольку одной из основных целей кассационной инстанции является обеспечение единообразия судебной практики на базе самостоятельности судов.

Принцип самостоятельности судебной власти, в отличие от требований принципа независимости, адресуемых носителям судебной власти, в большей степени предполагает институциональные и компетенционные характеристики. Представляется, что конституционный императив самостоятельности (ст. 10 Конституции РФ) является базисным для определения статуса каждой из ветвей власти, пока не получил адекватного внимания со стороны науки конституционного права.

Если независимость – это отдельный и самый важный принцип статуса носителей судебной власти, то самостоятельность судебной власти предполагает сущность ее статуса, его конституционно-правовой объем и содержание, основную базисную характеристику правового положения судебной власти как в системе российской государственности, так и в коммуникации с наднациональным органом контроля и защиты прав человека. Если принцип независимости – это условие и инструмент становления судебной власти, то принцип самостоятельности – это искомый результат.

В сфере конституционных полномочий судебной власти можно выделить так называемые подразумеваемые («скрытые») полномочия, вытекающие из самого существа судебной власти и из

идей цели и справедливости права, обосновываемых философией права.

И это дискреционные полномочия судов, правотворческие, интерпретационные и иные прерогативы, осуществляемые как в процессе рассмотрения конкретных дел, так и самостоятельно. Большинство из этих полномочий и то, как они реально осуществляются, являются вполне объективными критериями самостоятельности судебной власти.

Они проявляются независимо от мнения и позиции других ветвей власти, поскольку производны из смысла основных конституционных гарантий, и прежде всего государственных гарантий защиты основных прав и свобод. В качестве таких объективных критериев самостоятельности судебной власти можно назвать прежде всего применение, в отличие от иных судов, конституционных принципов в процессе осуществления правосудия и конституционно-правовое истолкование норм закона по жалобам частных лиц. Последняя форма деятельности является, пожалуй, одним из самых примечательных феноменов российской правовой действительности за последние двадцать пять лет!

В чем видится мне позитивный результат от идеи о том, что Конституционный Суд России является высшим кассационным судом, но только по вопросам конституционного права? Она позволяет обосновать то, что Конституционный Суд, самостоятельно интерпретируя правила допустимости жалоб, все более «врастает» в судебную систему России, укореняется в ней, выполняя новые функции, которые свойственны кассационным судам. Как известно, кассация – это форма процессуальной деятельности, которая зародилась во Франции, а потом распространилась по всей Европе. Кассационная инстанция должна обеспечивать единообразие в правоприменении посредством выявления нарушения материальных и процессуальных норм в решениях судов, уже вступивших в законную силу. Одной из разновидностей нарушений права является неправильное толкование закона. Заметим, что законодатель внёс изменения в Закон о Конституционном Суде Российской Федерации, касающиеся допустимости жалобы. В соответствии со статьей 97 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если закон применён в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, при этом жалоба должна быть подана не позднее одного года после рассмотрения дела в суде.

Общим как для общей кассации, так и для кассационной является то, что у кассационных судов большой объем дискреции в понимании условий допустимости жалоб.

Конституционный Суд обнаруживает нарушение закона в том случае, если он обнаруживает в судебной практике неконституционное истолкование норм закона.

Условие о допустимости жалобы в статье 97 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации применяется в системном единстве с одним из требований, предъявляемых к решениям Конституционного Суда Российской Федерации (статья 74 Закона). Конституционный Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой. И хотя это требование, предъявляемое к решениям, согласно выработанным правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации о допустимости жалоб оно широко применяется при отборе жалоб для рассмотрения.

Слов о сложившейся правоприменительной практике не было в первоначальном проекте Закона о Конституционном Суде Российской Федерации, разработанном силами судей и сотрудников суда. Они появились в ходе чрезвычайно плодотворных консультаций с судьями и сотрудниками немецкого Конституционного Суда в 1994 году, состоявшихся в городе Карлсруэ. Бывший руководитель Секретариата этого суда доктор Цирляйн посоветовал включить их для того, чтобы иметь возможность оценивать нормы закона с учетом их судебной модификации. В первом Законе РСФСР о Конституционном Суде были нормы об оценке обыкновений судебной практики.

Это условие о допустимости – о сложившейся правоприменительной практике – оказалось на редкость динамичным в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Если раньше под такого рода практикой понимались большие массивы судебных решений, принимаемых в разных регионах стран, то после «объединительного процесса» и появления единого Верховного Суда Российской Федерации это условие было упрощено. Сейчас Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что даже единичное решение Верховного Суда Российской Федерации является достаточным для того, чтобы считать практику судов сформировавшейся. И даже если суд первой инстанции истолковал норму определенным образом, а апелляционный суд – прямо противоположным образом, кассационный суд подтвердил правоту суда первой инстанции, а Верховный Суд Российской Федерации согласился с кассационной инстанцией, Конституционный Суд Российской Федерации считает такую судебную практику сложившейся с точки зрения «созревшего» условия допустимости жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации отмечают, что в результате модель индивидуальной жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации всё более сближается с моделью конституционной жалобы в Федеральный конституционный суд Германии, который, как известно, полномочен рассматривать жалобы на ре-

шения судов. Если в ФРГ Федеральный конституционный суд может принять конституционную жалобу в отношении практически любого судебного решения, то в России сейчас также можно обжаловать в Конституционный Суд Российской Федерации примененный судом закон, если он нарушает конституционные права и свободы граждан и полу-

чено решение Верховного Суда Российской Федерации об отказе рассмотрения дела в порядке надзора. Всё это и позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в России появляются признаки конституционной кассации.

Литература

1. Иванов А.А. Речь о прецеденте // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 3–11.
2. Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. М., 1991.
3. Зорькин В.Д. Экономика и право: новый контекст // Рос. газ. 2014. 22 мая.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 106–107.
5. Гурвич Г.Д. Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права // Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.
6. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология). М., 2016.

References

1. Ivanov A.A. Rech' o pretsedente // Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki. 2010. № 2. S. 3–11.
2. Chulkov G.I. Imperatory. Psikhologicheskie portrety. M., 1991.
3. Zor'kin V.D. Ekonomika i pravo: novyi kontekst // Ros. gaz. 2014. 22 maya.
4. Mal'tsev G.V. Sotsial'nye osnovaniya prava. M., 2007. S. 106–107.
5. Gurvich G.D. Teoriya istochnikov prava Oigena Erlikha i ideya sotsial'nogo prava // Erlikh O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava / per. s nem. M.V. Antonova; pod red. V. G. Grafskogo, Yu. I. Grevtsova. SPb.: ООО «Universitetskii izdatel'skii konsortsium», 2011.
6. Gadzhiev G.A. Pravo i ekonomika (metodologiya). M., 2016.

*Поступила в редакцию 30 ноября 2018 г.
Received 30 November, 2018*